Кирилл Щербицкий

Победила «Дружба»

С Лукой мы познакомились у спасательных лодок. Ярко-оранжевые, с задраенными оконцами, они висели над палубой и чем-то напоминали дирижабли. Крышка люка на одной из них приподнималась и хлопала под порывами крепчавшего к вечеру черноморского ветра. Не разбираясь толком в морском деле, я все-таки смог показать, где у них мотор и винт и где на обшивке написано про вместимость – 42 человека. «Ну, если захотят спастись – влезут», – не очень уверенно объяснил я. В длину лодки были от силы метров по девять. Лука вскарабкался на трап посмотреть за борт, куда такую лодку в случае чего спускают. Восемь этажей под нами в волнах несколько раз мелькнуло что-то серое, может быть, дельфин. «А акулы здесь есть?» – спросил Лука. И, не дожидаясь ответа, сказал: «Мегалодон. Это самая большая акула в мире. Мы бы взяли мегалодона.» «А зачем она нам?» Лука на секунду задумался. «Она защитница! В нее сорок человек вмещаются!» «В море вообще все большое», – говорю я, – «Мы по сравнению с ним совсем маленькие...» «Да, маленькие, – соглашается Лука, – и Россия тоже – чепухня маленькая».

Мы плывем на грузовом пароме поперек Черного моря, из болгарского Бургаза в грузинский Батуми. Паром идет без остановок три дня. Называется он «Дружба», что кажется пережитком советских времен, хотя сам корабль построен в 2002 году. Пассажиров много, в основном водители-дальнобойщики. Нижние палубы плотно заставлены грузовиками, среди них приткнулись велосипед швейцарца Урса, который хочет ехать на нем в Японию, и выдавшая виды легковушка с украинским номером – машина родителей Луки. Мама его из армянско-грузинско-русской семьи, выросла в Украине, отец – русскоязычный украинец из Одессы. Познакомились когда работали в Карибике на круизных судах. Лука родился в Калифорнии, потом семья долго жила во Флориде, название которой все, включая Луку, произносят по-американски, с ударением на «о». Разговор с Лукой напомнил мне об эссе Дэвида Фостера Уоллеса про круиз, где он смущал своих соседей по столу рассуждениями об акулах. Для Уоллеса акулы были вытесненной на периферию сознания угрозой, неотступно кружащей около их пятизвездочного плавучего отеля. Вокруг нашего скромного судна они плавают по ночам, посматривая, не покажется ли русский военный корабль или оторвавшаяся мина. Из-за войны рейсы «Дружбы» несколько раз отменяли, поэтому то, что мы плывем, по-прежнему кажется мне чудом.

Чудес здесь вообще хватает. Дельфины группами выскакивают из воды и видны не только в профиль но и анфас, успеваешь заметить расставленные в разные стороны плавники и сразу оба любопытных глаза. Горизонт на триста шестьдесят градусов, над ним облака. Волны и звезды ночью. Маленькая сухопутная птичка, живущая где-то между грузовиков, которая при сильном ветре улетает в море, но всегда возвращается.

В столовой висит известный плакат «Нет!», где советский юноша в костюме и при галстукке отстраняет предложенную рюмку. Его примеру здесь никто не следует. Многоязычный гомон к концу ужина становится громче и как-то понятнее, а из возможных общих языков русский начинает перегонять остальные. На русском я познакомился с родителями Луки, с компанией армян из разных стран, заранее договорившихся встретиться здесь на корабле, с грузинами-дальнобойщиками. На английском – с велосипедистом Урсом, не сразу поняв, что он из

Цюриха. На немецком – с семьей айтишников из средней Германии, которые взяли отпуск по уходу за ребенком и год ездили с маленькой Катрин по Балканам. Разнообразие общения – явно ситуация роста. На завтрак часов в десять утра немец-айтишник вдруг осторожно трогает меня за плечо и протягивает стаканчик водки. Прислали грузины с соседнего стола, мы их не знаем, но у них там день рождения. Разумеется, надо поздравить. От моих услуг по переводу немецкий знакомый в тот момент отказался и сразу сбежал, но к вечеру я уже видел его в коридоре с бутылкой пива в одной руке и рюмкой чаи в другой. Он как раз выходил из самой страшной кают-компании, где стоит столбом сигаретный дым, и водилы, никогда толком не просыхая, режутся в нарды.

В соседней общей каюте посиживают перед большим монитором дальнбойщики постарше, время от времени перебрасываясь ленивыми грузинскими или болгарскими фразами. На экране красавица с ледяными глазами говорит: «Если ты не будешь мне доверять, Тимофей, у нас ничего не получится!» Российское кино пользуется успехом. А вот болгарское шоу, где жизнерадостным пожилым мужикам нужно было на скорость распиливать деревянную балку и гнуть железные прутья, кроме меня, смотрели только двое болгар.

Русский здесь язык общий, но, как правило, не родной. Родной он, например, у Павлика, и не ясно, плюс это или минус. Павлик по габаритам еле пролезает в корабельные коридоры и зычность выражений совмещает с неясностью политических взглядов. Живет он где-то в Болгарии, русское телевидение там, видимо, не за горами. Его берут в оборот другие дальнбойщики: Юра из Закарпатья и пожилой грузин, которого все зовут Николай Михайлович. «А что?» – возмущается Павлик, – «Подселили хохла в каюту, я ему здарсьте, а он сразу: ты кто? ты за кого?.. Что за дела?» Они сидят, чуть не касаясь друг друга лбами, и напоминают трех регбистов. Разговор идет долго, вполголоса и без водки. Доносятся обрывки фраз: «Он золотой парень... Я за него отвечаю. Я его знаю.» «Вон у нас на каждой машине написано «Слава Украине»...» Я успеваю сходить на палубу и к кипятильнику, и только где-то через полчаса замечаю, что все трое наконец расслабились, найдя общую почву где-то в области семейных ценностей и православия. «У меня есть знакомый отец,» – уже на обычной своей громкости говорит Павлик, – «я ему в церкви люстру вешал...» Грузин Николай Михайлович намекает, что православным не надо бы воевать друг с другом. Павлик вроде согласен.

На ужине мы разговорились с мамой Луки, Алёной. Мать у нее наполовину грузинка, наполовину армянка, отец русский, родилась она в Полтаве, студенткой переехала в Одессу. Лука вырос в Одессе и в Америке на русском и на английском. Сейчас они едут из Одессы к родственникам в Грузию. «Меня поразила Молдавия», – говорит Алёна, – «Одесситы приезжают такие на своих тойотах, а там молдаване на жигуленках, чем вам помочь, нужно что-то? Мы в Одессе так бы не помогли, если бы к нам приехали беженцы...» Однако выясняется, что у нее самой и дома и на даче сейчас бесплатно живут беженцы из Николаева. Есть родственники и в России. «Тётя звонит, говорит, приезжай к нам. Я ей, тётя, это я от вас бегу... Потом дядя: ну я понимаю, но надо же как-то ловить этих нациков! – Каких нациков? Кого ловить? Мы их нигде не видели. Их нет нигде... Еще тетя: вот возьмем Одессу, я к тебе в гости приеду. – Если вы возьмете Одессу, меня там уже не будет!»

Время от времени все выходят покурить на палубу. Там уже стемнело, но огни еще не зажгли. Армянская компания пробует на телефоне определитель созвездий. Что-то не

получается, созвездия определяются плохо. Подходит Лука, показывает на звезду над горизонтом и говорит: «А это не звезда. Это дрон». «Откуда здесь дрон? Мы в открытом море...» «Это дрон!» – повторяет Лука. «А ты видел дрон?» «Видел. Над двором. Мы идем с Мишей, а он летит.» «И что, вы побежали?» «Да нет, просто дальше пошли. Ну, не убьют же они нас...»

Внутри ужин окончательно перешел в застолье. У информационной стойки, она же бар, сгрудилось сразу несколько компаний. «В Поти, да, сразу еду. Поти на болоте. А в Сухуми, вообще в Абхазию – нет. Никогда». «Ну, много грузов, зачем тебе знать...» «Вино, да. Обратное всегда вино. В Дюссельдорф, в Ганновер. Попробовать – нет, оно запломбировано. Вон в пластиковой бутылке – домашнее». «Где стоял? Таможня...» «Могло бы быть как в Европе, восемь часов отработал, и всё...» «В Черновцах перевал закрыт...» Рядом грузинский гомон время от времени перекрывает рывканье Павлика: «Это мой... друг! Это мой... брат!» Неужели увещевание так подействовало?

На следующий день, встретив Луку на палубе, я спрашиваю его, откуда он. Лука с готовностью начинает считать. «Пятьдесят процентов... Украина. Сорок процентов... Америка. Семь процентов... Армения. Пять процентов... Грузия.» Уже перевалило за сто, но я не останавливаю. «Три процента... Россия. Один процент... *Союз*». Подробнее про *Союз* расспросить не удастся: родители проищкали Луку все утро и, найдя, уводят в каюту собирать вещи. Я успеваю узнать, что родился он в 2012 году.

Вечер перед прибытием в Батуми проходит тихо. Велосипедист Урс подружился с армянами, может, даже поедет к ним в Ереван. На все дело с Японией у него год, успеет ли? Немецкий айтишник пьет пиво с огромным Павликом. Бог весть, на каком языке они разговаривают. Папа Луки беседует на профессиональные темы с моряками из команды, не менее пестрой, чем пассажиры. Юра из Закарпатья похоже спит. Грузин Николай Михайлович, окруженный водителями, объясняет им что-то по-грузински. Вчерашний именинник и компания разбрелись и смотрят в телефоны – берег близко и появилась турецкая сеть. Я еще раз оглядываюсь вокруг. С одной стороны огни далекого берега, с другой – светящееся к горизонту море. «Дружба» замедляет ход, чтобы не прийти слишком рано. Она уже победила.

Сентябрь 2022 г.